

**ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ
НАБЛЮДАТЕЛЕЙ НА ВЫБОРАХ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ 2011–2016 гг.***

Движение наблюдателей на выборах, возникшее в ходе последней федеральной избирательной кампании в 2011–2012 гг., за годы своего существования существенным образом трансформировалось. На основе теоретических подходов к изучению динамики развития общественных движений в статье проведен анализ этапов его развития, а также выявлены наиболее существенные факторы массовой мобилизации. В статье отмечается, что генезис движения имеет определенную специфику — его развитие происходило внутри уже сложившегося института наблюдения на выборах. В этой связи анализ динамики развития движения начинается с характеристики формирования института наблюдения на выборах в период с начала 1990-х по 2011 г. Затем выявляются наиболее существенные факторы массовой мобилизации участников движения наблюдателей на выборах — конфликт, выразившийся в массовом недовольстве процедурами и результатами выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г., общее социальное недовольство, наличие доступных человеческих и организационных ресурсов и формирование коллективной идентичности участников движения. Следующий этап развития движений — формализация и консолидация, в ходе которого организации и проекты наблюдателей набирают организационную силу и объединяются в коалиции. Завершающий этап развития характеризуется демобилизацией участников движения, возникшей по комплексу причин — внутреннее истощение, внешняя поляризация и общее разочарование в возможности достичь поставленной цели честных выборов. Тем не менее, в заключении не делается вывода о том, что движение «окончательно умерло». При определенных условиях динамика его развития может стать цикличной.

Ключевые слова: движение наблюдателей на выборах, общественные движения, выборы, динамика общественных движений.

* Данное научное исследование (№14-01-0115) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014–2015 гг.

Скокова Юлия Александровна — младший научный сотрудник Международной лаборатории исследований некоммерческого сектора Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ (Москва) (jskokova@hse.ru)

Skokova Yulia — Junior Research Fellow at International Laboratory for Nonprofit Sector Studies of Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector NRU HSE (Moscow) (jskokova@hse.ru)

Введение

Движение наблюдателей на выборах появилось в публичной сфере весьма неожиданно. Ни тема выборов, ни тем более вопрос гражданского участия в них в большем качестве, чем просто избиратель, никогда остро не стоял перед российскими гражданами. В преддверии электорального цикла 2011–2012 г. настроения в обществе характеризовались устойчиво невысоким показателем доверия к органам власти и весьма распространенным представлением — «выборы ничего не изменят». Вместе с тем предвыборный процесс заинтересовал многих — одни решили поддержать голосом действующую власть, другие вышли на улицы городов с оппозиционными лозунгами. Причем в обеих группах нашлись и те, кто посчитал необходимым действовать весьма инновационным для России путем — по собственной инициативе стать независимым непартийным наблюдателем на выборах.

Сам факт участия наблюдателей на выборах не был новым событием в жизни российского общества — новым оказался масштаб и характер их деятельности. В марте 2012 г. наблюдателями стали сотни тысяч человек по всей стране (РБК daily), начали появляться новые гражданские объединения наблюдателей, в том числе в регионах.

Движение наблюдателей оказалось весьма динамичным в своем развитии, и в этом смысле оно не отличается от многих других: движения быстро мобилизуются, формируют внутренние организационные структуры, трансформируются и прекращают свою деятельность. В настоящей статье будет представлен теоретический аппарат, накопленный в социологии общественных движений для анализа динамики их развития. Затем описанный теоретический инструментарий будет использован для анализа динамики развития движения наблюдателей на выборах в 2011–2016 гг. Автор данной статьи за указанный период провела серию количественных онлайн опросов наблюдателей*, глубинных интервью**, непрерывно ведет наблюдение за деятельностью движения. В основу настоящей статьи легли данные, полученные всеми используемыми методами.

Динамика общественных движений: теоретические подходы

Изучение динамики развития движений является одним из предметов теоретизирования и эмпирического исследования в социологии общественных движений. Систематизация накопленного знания позволяет выявить как минимум два уровня закономерности динамики развития движений. Первый,

* Автором статьи было проведено три опроса наблюдателей на выборах. Два из них были проведены в онлайн форме среди участников движения наблюдателей в Москве, один — во время выборов Президента страны в марте 2012 г. (N=1379), второй — после выборов мэра г. Москвы в сентябре 2013 г. (N=1506). Часть результатов данных опросов доступна по ссылке [<https://www.hse.ru/monitoring/mcs/nabludatel>]. Третий опрос наблюдателей проводился в очной форме в 12 регионах России в ноябре-декабре 2013 г. Общий объем выборки — 800 чел.

** Всего проведено 13 глубинных полуструктурированных интервью с лидерами организаций и проектов, занимающихся наблюдением на выборах в России.

макроуровень закономерностей, выявляет цикличность или волнообразность массовой мобилизации в долгосрочной исторической перспективе. Для анализа соответствующих «подъемов» и «спадов» С. Тарроу предложил концепцию «циклов противостояния», согласно которой существуют фазы усиления конфликта внутри социальной системы, когда (1) происходит быстрое распространение коллективных действий от более мобилизованных секторов к менее мобилизованным, (2) быстро появляются новые формы противостояния, (3) комбинируются организованное и неорганизованное участие, (4) интенсифицируется информационный поток между властью и субъектами противостояния (Tarrow 2010: 142). «Пик» цикла формируется за счет масштабирующейся социальной и политической активности в обществе, при этом он сам может являться фактором возникновения новых коллективных действий и общественных движений. С критикой понятия «цикл», подразумевающего повторяемость событий, выступил Р. Коопманс (Coormans 2004). Предложенный им термин «волны противостояния» также описывает процессы макроуровня. Однако Коопманс уделяет больше внимания трансформационной и заключительной стадии противостояния, а не «пику» цикла, как это делает С. Тарроу.

Второй уровень закономерностей выявлен на уровне отдельных движений и их организаций (SMOs). Впервые наиболее системно этапы развития общественных движений выделил Герберт Блумер (Blumer 1951), предложивший четырехэтапную модель, включающую стадии «социального волнения», «массового возбуждения», «формализации» и «институционализации». Так, на начальном этапе потенциальные участники движения испытывают определенное неудовлетворение некоторыми характеристиками внешней политической, социальной или культурной среды, которое слабо или вовсе не канализируются в организованные коллективные действия, направленные на его преодоление. На втором этапе индивидуальное неудовлетворение переходит на уровень коллективного осмысления, где начинается поиск его причин и возможных вариантов действий по его преодолению. В этот момент возникают первые коллективные действия, например, митинги. Тогда же начинается формироваться коллективная идентичность, необходимая для возникновения коллективного субъекта деятельности. Затем следует стадия формализации, в ходе которой возникают более устойчивые организационные формы, а именно организации общественных движений, формируются коалиции, разрабатываются стратегии коллективных действий и проч. Наконец, следует стадия институционализации, когда движение становится органической частью общества. Однозначность последнего этапа, предложенного Г. Блумером, вызвала наибольшую аргументированную критику среди исследователей. Как отмечает Д. Делла Порта и М. Диани (Della Porta, Diani 2006: 150–152), помимо институционализации движения существуют и иные формы его развития — от радикализации и снижения контактов с внешним миром до исчезновения организации общественного движения по причине достижения поставленной им цели.

Одно из самых масштабных и значимых эмпирических исследований жизненного цикла движений было проведено В. Гамсоном. На случайной выборке 53 общественных движений, существовавших в США с 1800 по 1945 г., автор выявил четыре варианта исхода их деятельности — полный успех, кооптация,

подчинение и неуспех (Gamson 1975). При этом Гамсон установил типичные характеристики организаций общественных движений, которые соответствуют каждому из четырех исходов. Такой результат открыл новую дискуссию среди исследователей о том, что есть «успех» движения и каковы способствующие ему факторы (Kriesi 1995).

Разнообразие неуспешных исходов движений выявил С. Тарроу (Tarrow 2010). Им были предложены три пути демобилизации общественных движений. Первый путь — внутреннее истощение и внешняя поляризация. Несмотря на то, что на начальной стадии участие в движении является зачастую волнующим и эмоциональным, впоследствии такое восприятие теряется — для поддержания его деятельности может потребоваться вклад личных средств, возникают риски и, в конце концов, усталость и разочарование. При этом истощение происходит крайне неравномерно. Наиболее активные участники в меньшей мере подвержены выходу из движения. Поляризация движения происходит, когда оно перестает быть единым целым и распадается на ряд других движений, инициативных групп или организаций, не согласующих между собой свои действия. Второй путь демобилизации возникает при выборе стратегии действий движения — будут ли они радикализироваться и становиться насильственными, или следует идти по неконфликтному пути институционализации. В данном случае каждое движение решает для себя, какие потенциальные риски и выигрывши последуют за принятым соответствующим решением, какая стратегия в большей мере будет способствовать мобилизации участников движения и достижения его цели. Третий путь демобилизации зависит от реактивных действий государства, которое может вести как целенаправленные репрессии по отношению к движению для его устранения или минимизации оказываемого им влияния на общественную жизнь, так и реализовывать тактику поглощения движения, что приведет к полной потере автономности последнего и снизит, таким образом, заинтересованность активистов в нем участвовать.

Развитие движения наблюдателей на выборах также происходило по обозначенным этапам. Как будет показано ниже, данное движение начало формироваться «на волне» массовой протестной мобилизации в декабре 2011 г., затем приобрело внутреннюю организационную структуру в виде определенных организаций общественных движений, претерпело внутренние трансформации, а затем было демобилизовано. Однако движение наблюдателей имеет определенную специфику — оно возникло внутри уже сформированного института наблюдения, имеющего свои прописанные в законах нормативные правила и неформальные практики. Подобные «движения внутри институтов» уже изучались ранее (Katzenstein 1990; Morrill, Chiarello 2013). В отличие от «движений внутри организаций» (Zald, Berger 1978; Morrill et al. 2003; Arthur 2008), коими являются, например, протестные движения рабочих внутри определенных предприятий, им в меньшей мере свойственна изолированность от внешней институциональной среды. В то же время движения соответствующих типов объединяет высокая степень связи с ранее сложившимися организациями или институтами, что сказывается, например, в их целях, ориентированных в большей мере на достижение изменений внутри, а не в широкой социальной среде.

Этапы развития движения наблюдателей на выборах

Движение наблюдателей на выборах формировалось внутри уже имеющегося института, со своими формальными и неформальными нормами и правилами. Именно поэтому для дальнейшего анализа динамики развития движения наблюдателей стоит более подробно описать, как формировался институт наблюдения на выборах, а затем перейти к анализу развития самого движения независимых наблюдателей на выборах.

Предварительный этап

Институционализация практики наблюдения на выборах проходила параллельно с формированием самого института демократических выборов, опыт которых составляет в России около 25 лет. Закон СССР от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР», принятый специально к проведению первых альтернативных выборов, устанавливал право «представителей трудовых коллективов, общественных организаций, собраний избирателей, доверенных лиц, а также представителей печати, телевидения, радио» присутствовать на «заседаниях избирательных комиссий, в том числе при регистрации кандидатов в депутаты, подсчете голосов на избирательном участке, определении результатов выборов по округу и подведении общих итогов выборов». Несмотря на формальное отсутствие в данном законе термина «наблюдатель» сама практика была предусмотрена и рассматривалась, судя по названию статьи в упомянутом законе, как инструмент соблюдения «гласности при подготовке и проведении выборов». Впервые термин «наблюдатель» был юридически закреплен в Указе Президента РФ от 21.09.1993 № 1400 «О поэтапной конституционной реформе Российской Федерации» и устанавливал право избирательных объединений, баллотирующихся кандидатов и политических партий направлять на участковую избирательную комиссию до пяти наблюдателей.

В период конца 1980-х — начала 1990-х гг. на выборах появляются первые наблюдатели. В этот период начинает формироваться понимание того, что для контроля выборов, не ограниченного субъективными интересами его непосредственных участников — кандидатов и политических партий, необходимо участие независимых неполитических общественных организаций. В ряде публикаций того времени отмечается, что место общественных организаций в деятельности по наблюдению на выборах должно быть закреплено на законодательном уровне (Собянин, Суховольский 1995; Краснов 1996). Соответствующее законодательное решение было принято в 1994 г. (№ 56-ФЗ от 06.12.1994), а уже в 1995 г. за ходом голосования в Государственную Думу наблюдало более 60 тыс. россиян по всей стране (Belin, Orttung 1997: 134). В этот же период начинает распространяться большое количество различных печатных материалов методического характера — в них описывается, кто может принимать участие в наблюдении на выборах, как его осуществлять, какие права имеет наблюдатель и др.

Спустя несколько лет после установления на законодательном уровне права общественных организаций направлять наблюдателей на выборы в России появляются первые некоммерческие организации и гражданские инициативы, профессионально занимающиеся наблюдением на выборах и их долгосрочным мониторингом. Например, Фонд «Информатика для демократии (ИНДЕМ)»

в ходе федеральной избирательной кампании 1999–2000 гг. и 2003–2004 гг. реализовывал проект «Информатика для демократии 2000+». Основными задачами проекта являлось институциональное расширение возможностей гражданского участия в выборном процессе, в том числе посредством создания сети «наблюдателей-корреспондентов» для контроля за ходом избирательных кампаний с долгосрочной перспективой на формирование новых структур гражданского общества (Интернет-мониторинг выборов... 2004).

Второй появившейся наиболее значимой организацией стала Ассоциация в защиту прав избирателей «Голос». С 2000 г. Ассоциация осуществляет деятельность по независимому наблюдению на выборах, мониторингу деятельности органов власти, а также разрабатывает предложения по усовершенствованию норм избирательного законодательства. С начала своего существования «Голос» использует широкий набор технологий, которые в дальнейшем, в 2011–2012 гг., были успешно транслированы на более массовый уровень, — долгосрочное наблюдение выборов, организация групп «мобильных» наблюдателей и «горячей» телефонной линии, а также параллельный подсчет голосов. До сегодняшнего дня «Голос», несмотря на вынужденную ликвидацию юридического лица в связи с законом об «иностранных агентах», остается основной организацией, профессионально занимающейся наблюдением на выборах.

Возможности организаций гражданского общества осуществлять независимое непартийное наблюдение на выборах были законодательно упразднены в 2005 г. Общественные организации потеряли право направлять наблюдателей на выборы федерального уровня, что впоследствии повлияло на внесение соответствующих изменений в избирательное законодательство большинства регионов. Кроме того, с отменой права баллотироваться кандидатам-одномандатникам на выборах в Государственную Думу в 2007 г., имеющим самостоятельное право направлять наблюдателей, их количество на избирательных участках резко сократилось (Любарев и др. 2008).

В дальнейшем, после фактической отмены гражданского наблюдения на выборах, общественные организации, ставящие своей целью достижение честных и свободных выборов, развивали неформальные практики для осуществления своей деятельности. В частности, Ассоциация «Голос» приняла решение направлять общественных контролеров на выборы от учрежденной ими газеты «Гражданский голос» в качестве представителей СМИ. *«... “Голос” всегда строил общественное наблюдение так, так как пока нет возможности от общественных организаций наблюдать. Будем тогда осуществлять освещение выборов силами представителей СМИ. Поэтому позиция “Голоса” это непартийное наблюдение, мы не можем брать от кандидатов вот эти направления, мандаты и т. д. Потому что мы считаем, что тогда все равно получается некое ангажирование с этим кандидатом и это не очень хорошо, и если мы говорим о независимом наблюдении за выборами, но хотим заниматься возвратом общественного наблюдения от НКО, но пока такого нет»* (м., участник движения «Голос»).

Таким образом, на предварительном этапе развития движения наблюдателей на выборах сформировался сам институт наблюдения, нормативно-правовая база, был накоплен опыт. Отмена права общественных организаций направлять наблюдателей существенным образом сузила пространство воз-

можностей для развития соответствующей независимой непартийной деятельности и повлияла на формирование неформальных практик. Можно сказать, что на данном этапе наблюдение не демонстрировало наличие внутреннего потенциала, способного на экстенсивное и интенсивное развитие. Тем не менее, ряд факторов, обозначенных ниже, обусловил массовый всплеск интереса граждан как к теме выборов, так и непосредственному участию в них в роли наблюдателей.

Массовая мобилизация

Существующие теории — коллективного поведения (Г. Блумер, Н. Смелзер), мобилизации ресурсов (К. Дженкинс, М. Зальд, Дж. Маккарти), политического процесса (Ч. Гилли, Д. Макадам, С. Тарроу), новых общественных движений (С. Блюхер, Н. Пичардо, А. Мелуччи, К. Оффе) — различаются в своем понимании основных факторов, способствующих возникновению общественных движений. Существующие теории были систематизированы автором, и было выявлено, что среди них существует общее понимание факторов, способствующих возникновению движений. Для этого требуется как минимум наличие мобилизующего события — конфликта, ради разрешения которого люди принимают решение стать участниками коллективных действий, политических возможностей, ресурсов, а также наличие сформированной коллективной идентичности участников. Все из перечисленных факторов в своей непосредственной взаимосвязи друг с другом оказали решающее воздействие на возникновение движения наблюдателей на выборах.

Первоочередным фактором возникновения общественных движений является *конфликт*, ради разрешения которого люди готовы становиться вначале участниками коллективных действий, а затем, в случае, если они как минимум стали регулярными, и участниками самого движения. Конфликт используется в данном случае как понятие обобщающее — под ним, в том числе, подразумевается социальное недовольство, депривация, ориентация на достижение социальных изменений, которые в обозначенных выше теориях выделяются в качестве значимых факторов возникновения движений.

Конфликт, затронувший в 2011–2012 гг. значительную часть общества, был вызван в первую очередь несогласием граждан с процедурой и результатами голосования на выборах в Государственную Думу 4 декабря 2011 г. «Моральный шок» от расхождения между «ожидаемыми» фальсификациями (абстрактными и далекими от персонального опыта) и фальсификациями, с которыми люди столкнулись лично (в первую очередь благодаря многочисленным видеосвидетельствам нарушений на выборах в Государственную Думу в декабре 2011 г.), подтолкнул ранее аполитичных людей к участию в коллективных протестных действиях (Завадская, Савельева 2015: 240).

Неудовлетворенность результатами выборов и отсутствие веры в их честность (Левада-Центр 2012б) достигли максимального исторического значения в 2011–2012 гг. (см. рис. 1 и рис. 2). Такие данные, по мнению Д. Волкова и С. Гончарова, «можно расценивать как приговор общественного мнения российской избирательной и политической системе — выборы в России нечестные, неконкурентные, мало что меняют» (Волков, Гончаров 2015: 12).

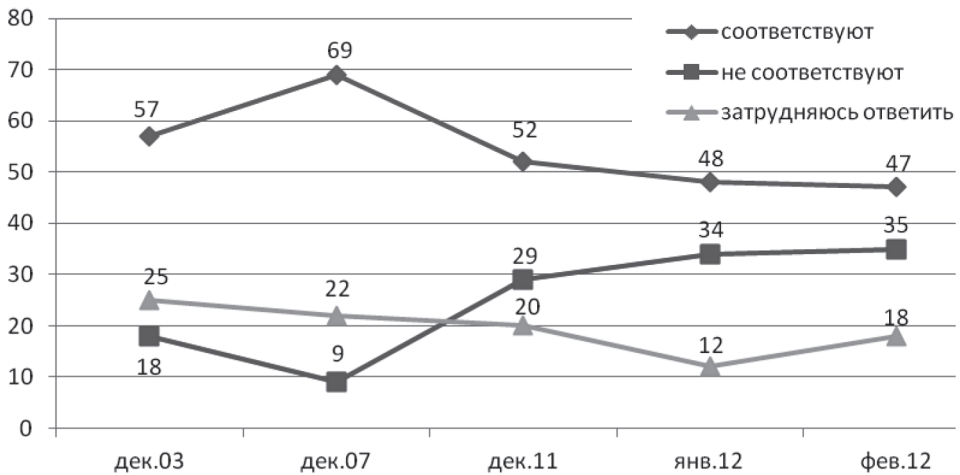

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы в целом результатами этих выборов?» (% от опрошенных)
Источник: (Левада-Центр 2012б)

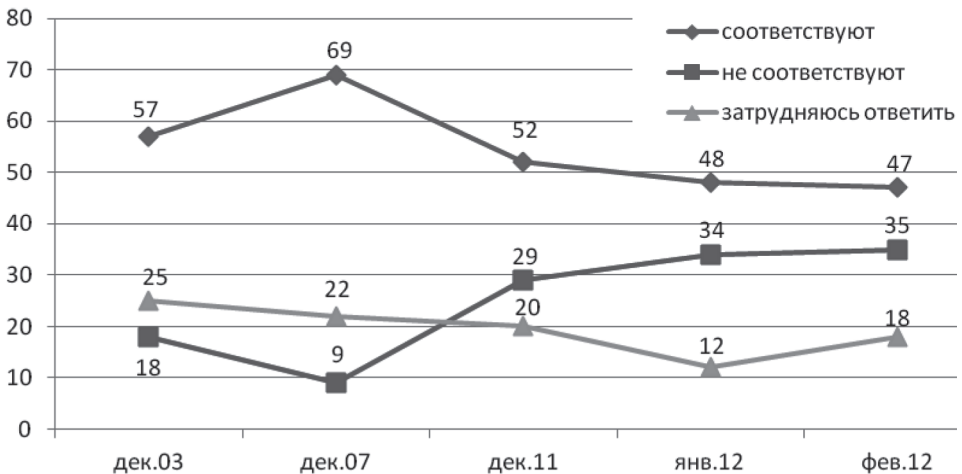

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы думаете, соответствуют ли действительности обнародованные Центральной избирательной комиссией результаты выборов в Государственную Думу?» (% от опрошенных)
Источник: (Левада-Центр 2012б)

Немаловажную роль для развития конфликта сыграло возмущение граждан решением В.В. Путина и Д.А. Медведева «поменяться местами». Часть общества восприняла данное событие как важное политическое решение, предreshающее судьбу итогов голосования на выборах Президента в 2012 г., принятое без учета мнений граждан. Это вызвало среди практически четверти россиян

чувство возмущения (8 %), разочарования (7 %), недоумения (7 %) и подавленности (1 %) (Зорская и др. 2012а: 104).

Стоит отметить, что данный конфликт не развивался изолированно, а произрастал в среде способствующей развитию **структуры политических возможностей** — нарастающего на протяжении нескольких лет социального недовольства, запроса части общества на демократические преобразования, низкие риски политических репрессий со стороны государства и т. д.

Как утверждают сами участники движения наблюдателей на выборах, факторы его возникновения во многом выходят за границы темы «честных выборов»: *«Очевидно было, что людей напрягла “рокировка”, когда, ну как бы без них вообще вопросы решились и все поменялось. Раньше хотя бы символически надо было прийти, проголосовать, а тут у людей практически забирают этот момент, это первое. Потом как бы уже некая усталость от этого... Общая разочарованность...»* (м., участник движения, Новосибирск); *«Появилось [движение] по причине... очень комплексно. Конечно, фальсификации на выборах, обманутые ожидания, ощущение необходимости, понимание необходимости перемен и ощущение, что их никак нельзя сделать. Понимание ответственности, что мы можем это сделать, можем это сдвинуть и, конечно же, “рокировка” сентябрьская, она тоже сыграла свою роль»* (ж., участник движения, Нижний Новгород).

Наиболее существенная характеристика возможностей, в контексте которых развивался конфликт вокруг темы «честных выборов», — возрастающее социальное неудовлетворение различными аспектами частной и общественной жизни, а также, пускай и несущественный, но рост притязаний на гражданские свободы и демократические преобразования. Ряд исследований социального самочувствия россиян фиксировали его состояние в 2011–2012 гг. как достаточно низкое (Баскакова 2013), негативные настроения нарастали. Индекс социальных настроений Левада-Центра зафиксировал «сильный отрицательный тренд частного индекса оценки властей с конца 2010 г., т. е. практически за год до выборов... Можно сказать, что к концу 2011 г. сложились условия для открытого социального недовольства, и эта ситуация проявилась с максимальной за все время наших наблюдений четкостью» (Красильникова 2012: 56).

Также наличие возможностей для формирования организованных коллективных действий в 2011–2012 гг. характеризуется запросом существенного числа россиян на демократические преобразования и гражданские свободы. Вплоть до середины 2012 г. возрастающее большинство граждан (63 % в 2012 г.) считало, что России демократия нужна (Зорская и др. 2012б: 25). Вместе с этим в обществе на тот момент наблюдался запрос на смену политического лидерства — в марте 2012 г. 43 % граждан «хотели бы, чтобы через 6 лет Путина на посту Президента России сменил другой человек» (Левада-Центр 2012а). Что касается востребованности гражданских свобод, то в 2011 г. важность «свободно выражать свое мнение» (47 %) для россиян существенно увеличилась по сравнению с 2008 г. (37 %) и стала четвертой по значимости — выше оказались только свободы, непосредственно касающиеся частной жизни (Зорская и др. 2012а: 28).

Другой немаловажной характеристикой политических возможностей являлось восприятие населением репрессивных действий со стороны государства

как маловероятных. В списке фактов, угрожающих России, «массовые репрессии, преследования инакомыслящих» занимают у россиян традиционно одно из последних мест (Зорская 2015: 37). При этом сама деятельность по наблюдению на выборах не является по своему формальному содержанию протестной — она вписана в законодательство, является легитимной формой гражданского участия, и в глазах участников не являлась потенциально опасной, угрожающей свободе или здоровью человека.

Существенным фактором возникновения движения наблюдателей на выборах также стали *ресурсы*, доступные для мобилизации — человеческие и организационные. К моменту возникновения движения наблюдателей на выборах российское общество накопило уже определенный опыт самоорганизации, который в определенной мере был использован для формирования новой массовой практики гражданского участия. Несмотря на весьма низкий процент институционализированного гражданского участия (по данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, в деятельности НКО принимает участие 18 % россиян), охват деятельности некоммерческих организаций существенно возрастал в последние годы, что позволило им стать определенной «школой демократии». Результаты предыдущих исследований показывают, что наличие опыта участия в деятельности НКО является важным фактором включенности в движение наблюдателей на выборах и интенсивности участия в нем (Скокова 2016).

Значимым оказался и организационный ресурс, накопленный, в частности, Ассоциацией «Голос», знания и опыт которой впоследствии были транслированы на уровень всего движения наблюдателей на выборах: *«...очень важно, чтобы были инструменты, чтобы им помочь, так сказать, быть наблюдателями. Голос помогает с наблюдением, кто-то с чем-то еще помогает. То есть это очень важно, то есть и вот этот момент, когда волна людей сама начала искать возможность, куда пойти, у Голоса были все инструменты для помощи этим людям — Карта нарушений, СМС-ЦИК, методические все эти брошюры, методические материалы, интерактивные курсы, обучение, все это было. То есть это стало резко все востребовано, что называется, не знаешь, когда все это может пригодиться в массовом таком объеме»* (м., участник движения, Москва).

Немалую роль сыграл ресурс социальных сетей и медиа, позволивших распространить, в первую очередь, видеосвидетельства нарушений на выборах в Государственную Думу в 2011 г., а затем и призывы значимых сторонников стать наблюдателем на выборах. По мнению ряда исследователей, социальные сети оказали решающую роль в возникновении протестного движения 2011–2012 гг. и движения наблюдателей, в частности. Как отмечает Михаил Габович, видео с фальсификациями, которые были опубликованы и распространены в социальных сетях среди людей, знающих друг друга лично, воспринимались со значительно более высоким уровнем доверия, чем если бы такие видео были сняты и распространены какими-либо социально далекими организациями или политическими партиями (Gabowitsch 2016).

В результате все перечисленные факторы оказали решающее влияние на то, что участие в деятельности по наблюдению на выборах стало носить массовый

характер. В совокупности они актуализировали для многих граждан значимость демократического института выборов, честность и прозрачность которых они решили отстаивать личным участием в деятельности по наблюдению за выборами. Обострившееся гражданское желание высказаться, голосуя и контролируя избирательный процесс, подкрепленное наличием способствующих структурных возможностей и успешно мобилизованных ресурсов, позволило участникам движения наблюдателей на выборах сформировать субъект коллективного действия. **Коллективная идентичность** участников движения строилась, в первую очередь, вокруг идеи защиты и достижения честных выборов, веры в мирные социальные преобразования, осуществляемые путем законной смены власти.

Формализация и консолидация

Пройдя стадию первичной массовой мобилизации, движение наблюдателей на выборах начало приобретать организованную форму, наращивать репертуар коллективных действий, формировать коалиции. В целом можно отметить три наиболее существенных признака формализации и консолидации движения наблюдателей на выборах.

Во-первых, рост числа граждан, желающих принять участие в выборах в качестве наблюдателей, оказал влияние на формирование соответствующих общественных организаций и проектов — «Гражданин Наблюдатель», «Рос-Выборы», «Лига избирателей», «СОНАР», «Корпус наблюдателей за честные выборы» и др. При этом происходит неформальная фрагментация сфер деятельности данных организаций. Так, например, «Гражданин Наблюдатель» в большей мере вовлечен в реализацию кампаний по набору и обучению граждан, желающих стать наблюдателями на выборах; «СОНАР» наиболее активно принимает участие в «электоральном туризме» (поездка в населенный пункт, где гражданин не проживает, с целью участия в выборах в качестве наблюдателя); «Голос» играет важную роль в трансляции лучших практик и проведении параллельного подсчета голосов. Несмотря на это, организации наблюдателей продемонстрировали высокую степень консолидации усилий — во время выборов мэра г. Москвы 8 сентября 2013 г. организации «Голос», «Гражданин Наблюдатель» и «СОНАР» объединились для совместной координации действий в «Альянс независимых наблюдателей на выборах». Стоит также отметить, что формализация происходила не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в других регионах России. Как указано в аналитическом отчете «Голоса», «различные структуры, координирующие подготовку и работу наблюдателей, были созданы во многих регионах» (Выборы Президента России... 2012).

Во-вторых, репертуар действий наблюдателей значительно расширился. Возникшие снизу новые общественные организации и проекты начали проводить широкую подготовку граждан к участию в дне голосования в качестве наблюдателей. Ими проводится широкая рекрутинговая кампания по привлечению граждан к наблюдению за выборами, затем идет обучение, психологические тренинги. Организации наблюдателей разрабатывают методические инструкции, справочники и «дорожные карты», способствующие самостоятельному изучению норм избирательного законодательства, создают специальные мобильные группы наблюдателей, которые в случае серьезных нарушений

могли бы в любое время выехать на конкретный избирательный участок. Также был перенят давно известный в мире опыт параллельного подсчета голосов. Среди наиболее вовлеченных и опытных наблюдателей начал развиваться новый вид активности — «электоральный туризм».

В-третьих, наблюдение стало носить долгосрочный характер. Например, на портале «Карта нарушений», где любой гражданин до, во время и после голосования может разместить информацию о нарушении. Более подробный мониторинг с углубленным изучением правоприменительной практики избирательного законодательства на сегодняшний день ведут две организации — Движение в защиту прав избирателей «Голос» и Комитет гражданских инициатив. Что касается послевыборной активности, то наиболее активные участники движения наблюдателей на выборах помогают гражданам, столкнувшимся с наиболее очевидными фальсификациями, обратиться в суд и оказывают им юридическое сопровождение в ходе всего процесса.

Демобилизация

В дальнейшем, после федеральной избирательной кампании 2011–2012 гг., активность участников движения наблюдателей на выборах начала спадать, началась фаза демобилизации. Основной причиной этого являлось отсутствие политических возможностей для реализации потенциала движения, а именно — альтернативных выборов.

Как утверждают сами участники движения наблюдателей, отсутствие конкурентных выборов, подавление политической конкуренции на этапе выдвижения кандидатов существенно снижают интерес к их деятельности: *«И опять же мотивация наблюдателей зависит и от тех выборов, которые проходят. Если они конкурентны, если они интересны, то тогда конечно, люди готовы идти контролировать, чтобы не украли голоса. А если выборы не интересны, не конкурентны, то и избиратели не идут, и наблюдателям это не нужно, поэтому идут платные наблюдатели от кандидатов, чтобы изобразить, что у нас выборы проходят прилично, с наблюдателями, со всеми. Но реальным наблюдателям это не интересно, потому что, что контролировать, если и так все понятно»* (м., наблюдатель, Москва).

Процесс демобилизации происходил по пути поляризации и истощения. Поляризация участников движения характеризуется, в первую очередь, уходом ряда участников движения наблюдателей в другую сферу гражданской активности. Результаты исследования О. Журавлева и др. говорят о том, что «бывшие наблюдатели решили продолжить протестную активность на локальном уровне и создали небольшие активистские группы» (Журавлев и др. 2014: 188). Основной сферой их деятельности является «наблюдение за муниципальной властью, информирование жителей и благоустройство города и окружающей среды» (Журавлев и др. 2014: 188). Также поляризацию движения вызвала его реструктуризация, произошедшая в 2013 г., когда общественные организации наблюдателей включились в процесс формирования участковых избирательных комиссий на последующие пять лет и смогли привлечь около 1,5 тыс. людей, имеющих опыт наблюдения, для получения статуса члена комиссий с правом решающего голоса (ПРГ). Это означает, что на протяжении всех последующих

пяти лет они не смогут принимать участие в выборах в качестве наблюдателей, только в статусе членов комиссии с ПРГ. Также появилось территориальное деление движения наблюдателей. Районные бригады и окружные координаторы, курирующие деятельность наблюдателей в конкретных районах города Москвы и его округах, во время выборов мэра сыграли активную роль в рекрутинге и логистике наблюдателей. Подобное «разветвление» движения на несколько его частей, с одной стороны, расширяет поле акторов, действующих в сфере гражданского общества, с другой — «сила» самого движения наблюдателей уменьшается по причине поляризации.

Истощение движения наблюдателей происходило, в первую очередь, по причине разочарования: *«Конечно, очень много людей после президентских выборов, особенно таких умеренных позиций, ушло из наблюдения на выборах, сказали, что все это бесполезно, тем более, против лома нет приема, я имею в виду и административные препоны, и то, что избиратели реально голосуют за президента. Но это не главная проблема — то, что людей стало меньше»* (ж., наблюдатель, Ростов-на-Дону).

Причины разочарования разнятся: от понимания невозможности достичь конечной цели «честных выборов» и потери веры в то, что «выборы могут что-то изменить» до отсутствия ощущения возможности добиться более конкретных политических изменений, как то: смены политического руководства страны или победы оппозиционного кандидата на выборах регионального или муниципального уровня. Истощение движения при этом распространялось от его периферии (менее активных, разовых участников) к ядру, которое сохранилось весьма стабильным. Можно предположить, что ядро движения в определенной мере пошло по пути поляризации, а именно нашло другую, дополнительную к наблюдению, сферу гражданской самореализации.

Заключение

Движение наблюдателей на выборах является ярким примером того, через какие этапы развития может проходить общественное движение в ходе своего развития — массовая мобилизация, формализация и консолидация и демобилизация.

Тем не менее, нельзя сказать, что движение вовсе «умерло». В ходе выборов в 2012–2015 гг. происходили циклические подъемы в активности движения в ходе выборов, которые были а) в крупных городах или в непосредственной близости со столицей, б) политически конкурентными. Таковыми выборами, например, были выборы мэра г. Химки (2012 г.) и г. Екатеринбурга (2013 г.), выборы в областную Думу Костромской области (2015 г.) и др. Однако масштаб участия наблюдателей в данных выборах был существенно меньшим, чем в ходе федеральной избирательной кампании 2011–2012 гг. Так, например, по данным организаций наблюдателей, в выборах Костромской областной думы приняло участие около 700 наблюдателей, из них большинство — приезжие «электоральные туристы» из Москвы.

Эти данные, а также информация о том, что лидеры движения находятся в поиске возможностей «обратной» массовой мобилизации выбывших участников движения к следующей федеральной избирательной кампании 2016

и 2018 г., дают основание полагать, что динамика развития движения может стать циклической. Действительно, в отсутствие «предмета» наблюдения — выборов — движению сложно быть всегда активным. Можно сказать, что сама природа движения наблюдателей делает его динамику цикличной — мобилизация во время крупных федеральных выборов и демобилизация в период между ними. Безусловно, что на факт мобилизации оказывают влияние множество факторов, большую часть которых лидеры движения не могут контролировать или управлять ими. В этой связи судьба движения остается под вопросом, исследователи могут лишь сформулировать гипотезы и проверить их достоверность.

Благодарности

Автор благодарит проект Фонда Александра фон Гумбольдта «Создание сети исследователей между НИУ ВШЭ и Исследовательским центром изучения Восточной Европы при Бременском университете» за возможность работы в уникальной библиотеке и архиве Центра.

Литература и источники

Баскакова Ю.М. Недовольные и несогласные: социальное недовольство и его масштабы (Часть II), *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2013, 115: 61–70.

Волков Д., Гончаров С. *Демократия в России: установки населения. Сводный аналитический отчет*. Аналитический центр Юрия Левады, 2015.

Выборы Президента России 4 марта 2012 года. Аналитический доклад. М.: Голос, 2012.

Журавлев О., Савельева Н., Ерпылева С. Индивидуализм и солидарность в новых российских гражданских движениях, *Журнал исследований социальной политики*, 2014, 12: 185–200.

Завадская М., Савельева Н. «А можно я как-нибудь сам выберу?»: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011–2012 годов, *Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов*, под ред. Ерпылевой С.В. и Магуна А.В. М.: Новое литературное обозрение, 2015: 219–268.

Зорская Н. и др. *Общественное мнение-2011*. Левада-Центр, 2012а.

Зорская Н. и др. *Общественное мнение-2012*. Левада-Центр, 2012б.

Зорская Н. и др. *Общественное мнение-2015*. М.: Левада-Центр, 2015.

Интернет-мониторинг выборов 2003–2004 годов в России. Гражданская инициатива Проекта «Информатика для демократии-2000+», в 2-х тт. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004.

Красильникова М.Д. Отношение к власти в структуре социального самочувствия, *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*, 2012, 2: 56–62.

Краснов Б.И. *Россия: партии, выборы, власть*. М.: Информационно-издательское агентство «Обезреватель», 1996.

Левада-Центр, 2012а. 45 % россиян хотят видеть нового человека на посту Президента страны через 6 лет. [<http://www.levada.ru/2012/12/24/45-rossiyan-hotyat-videt-novogo-cheloveka-na-postu-prezidenta-strany-cherez-6-let/>]. Дата доступа: 5.11.2015

Левада-Центр, 2012б. *Выборы Президента РФ, электоральные рейтинги — презентация*. [<http://www.levada.ru/old/24-02-2012/vybory-prezidenta-rf-elektoralnye-reitingi-prezentatsiya>]. Дата доступа: 5.11.2015.

Скокова Ю.А. Динамика развития общественного движения наблюдателей...

Лубарев А.Е. и др. *Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва*. М.: Национальный центр мониторинга демократических процедур. Бюллетень № 5, 2008.

Росбалт. *Оппозиция делегирует 400 тысяч наблюдателей на выборы в Госдуму*.

[<http://www.gosbalt.ru/main/2011/12/01/919043.html>]. Дата доступа: 15.11.2015.

Скокова Ю.А. Движение наблюдателей на выборах в России: роль НКО как «школы демократии», *Социологический журнал*, 2016, 2: 55–72.

Собянин А.А., Суховольский В.Г. *Демократия, ограниченная фальсификациями: выборы и референдумы в России в 1991–1993 гг.* М.: Проектная группа по правам человека, 1995.

Закон СССР от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР».

Указ Президента РФ от 21.09.1993 № 1400 «О поэтапной конституционной реформе Российской Федерации».

Федеральный закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации».

Arthur M. Social Movements in Organizations, *Sociology Compass*, 2008, 2(3): 1014–1030.

Belin L., Orttung R.W. *The Russian Parliamentary Elections of 1995: The Battle for the Duma*. NY: M.E. Sharpe, 1997.

Blumer H. Social Movements, in: *Principles of Sociology*, ed. by A. McClung Lee. New York: Barnes & Nobles, 1951.

Della Porta D., Diani M. Social Movements and Organizations, in: *Social Movements: An Introduction*, ed. by D. Della Porta, M. Diani. Blackwell Publishing, 2006.

Gabowitsch M. *Protest in Putin's Russia*. London: Polity Press, 2016 (forthcoming).

Gamson W. *The Strategy of Social Protest*. Homewood, IL: Dorsey, 1975.

Katzenstein M. Feminism within American institutions: Unobtrusive mobilization in the 1980's, *Sign*, 1990, 16(1): 27–54.

Koopmans R. Protest in Time and Space: The Evolution of Waves of Contention, in: *The Blackwell Companion to Social Movements*, ed. by D.A. Snow, S.A. Soule, H. Kriesi. Blackwell Publishing, 2004.

Kriesi H. et al. *New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis, Volume 5 of Social movements, protest, and contention*. University of Minnesota Press, 1995.

Morrill C. et al. Covert political conflict in organizations: Challenges from below, *Annual Review of Sociology*, 2003, 29: 391–415.

Morrill C., Chiarello E. Movements within Institutions/Organizations, in: *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*, ed. by D.A. Snow, D. Della Porta, B. Klandermans, D. McAdam. Wiley, 2013.

Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. Cambridge University Press, 2010.

Zald M., Berger M. Social movements in organizations: Coup d'état, insurgency, and mass movements, *American Journal of Sociology*, 1978, 83: 823–861.